

Юрский Сергей Юрьевич 31.12.96

Трун. - 1956 - 31 дек - с. 2

Сергей ЮРСКИЙ:

СЕЙЧАС ИНОЙ ТЕАТР

Знаменитый актер размышляет о том, что произошло с ним и с нами за последнее время

— Так вышло, что мы встретились с вами, Сергей Юрьевич, в конце года. Каким он был для вас?

— Этот год был страшным по количеству потерь. Несвоевременная смерть почти двадцати дорогих мне и близких людей плюс общественная жизнь с ее почти ежедневными катаклизмами плюс моя долгая многомесячная болезнь... Не получается проститься с этим годом легкой улыбкой.

Обычно на Новый год я пишу всякие гадания, и, как правило, возникает некая общая фраза. В конце 95-го я сформулировал ее так: «Мелким шагом по скользоте, наступая всей ступней». Вот эта скользота и окружала меня весь 1996 год.

— Тем не менее работаете вы сейчас очень много и плодотворно. Играете в своем театре, ваши творческие вечера в начале декабря прошли с аншлагом, премьера нового спектакля во МХАТе...

— Действительно, у меня сейчас время небывалого напряжения. В пьесе Ингмара Бергмана «После репетиции» — сложнейшем произведении великого режиссера — мы впервые играем втроем: я, моя жена Наталья Тенякова и наша дочь Дарья Юрская.

— Семейный спектакль?

— Да, и это испытание высшей сложности. Мы должны забыть, что мы друг другу, и соединиться на сцене в новом качестве. Отсюда и напряжение, в котором мы живем последнее время. Кроме того, я готовлю к изданию новую книгу прозы и первую книгу стихов.

— И давно вы пишете стихи?

— Выходит. Но мне никогда не приходило в голову их печатать. Большинство из того, что будет опубликовано, никто никогда не читал, даже моя жена. Я писал их и прятал в разных местах, забывал.

— Сергей Юрьевич, а какой период в своей творческой жизни вы считаете самым комфортным для работы, благотворным для творчества?

— Девяностые годы.

— Почему? Ведь и в самые застойные советские времена вы работали в прекрасном театре Товстоногова, у вас были замечательные роли в хороших пьесах, фильмах...

— Вообще у меня биография довольно счастливая. Но в театре тогда не могло быть особого выбора — только из того, что разрешала цензура.

Девяностые годы для меня — самые важные. Однако это не значит, что я восхищаюсь этим временем и окружающей действительностью. Я воспринимаю ее трагически. Но мне не зажимают рот. Более того, благодаря переменам я получил невероятную возможность выбирать даже своего зрителя. Потому что работаю как актер и как режиссер в трех театрах Москвы — имени Моссовета, МХАТе и Школе современной пьесы.

Живу в девяностых с большим интересом, но в то же время, мне кажется, я чувствую гущающийся воздух трагедии мира.

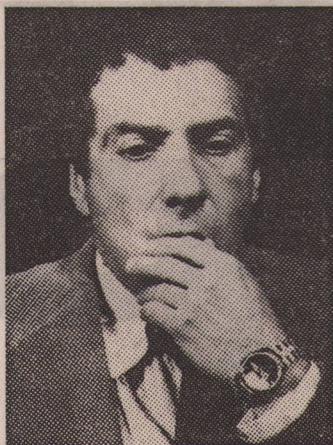
— Откуда же идет опасность?

— Возьмем одну тему, и я попробую поставить вопрос. Потому что ответа не знаю. Одна из фигур, по поводу которой давно насмешничают, — Павлик Морозов. В застойные времена шепотом рассказывали анекдоты, сейчас же это стало предметом открытых, тиражированных в средствах массовой информации насмешек. А параллельно я читаю в газете историю одного английского гражданина, который много лет жил в ощущении драмы, подозревая своего отца в страшных преступлениях. Он занялся расследованием и раскопал то, о чем догадывался: его отец был пособником фашизма. Причем у нас, в бывшем Советском Союзе. Что делает этот современный англичанин? Он обращается к британским властям, считая, что его отец должен понести кару за совершенные злодеяния. Странно, правда? Обе истории — и Павлика Морозова, и этого англичанина — касаются нашей страны.

— Зло сходится в одном месте?

— Сходится. Но так ли все однозначно? Не кинулись ли мы на другую сторону лодки и не перевернемся ли вместе с ней? Я думаю, Павлик Морозов — более сложное явление, чем просто мальчик-монстр, донесший на отца.

Что важнее: голос правды, голос истины, христианской веры в Господа или той веры, которая была ее подменой, — веры в социализм, в коммунизм? Скажете, нет вопроса — подмена и есть подмена. Но это была попытка создания правды. И не только для Павлика она стала превыше голоса крови. Сколько про-

изведений создано о том, как страшно матери сказать: мой сын — преступник, накажите его. Преодолеть голос крови во имя голоса правды... На эту тему написаны трагические произведения мировой литературы, и это великие характеры. Сейчас стали твердить, что на отца нельзя доносить, на сына нельзя. Я и не говорю, что надо доносить. Я говорю о том, что не надо спешить и все упрощать до примитивных лозунгов. А это происходит в последнее время.

— Например?

— Не так давно собралась довольно значительная группа интеллигенции — писатели, издатели, журналисты, словом, идеологи нашей жизни. Тема разговора в общем сводилась к тому, что президент предложил интеллигенции сформулировать общенациональную идею. И вот на встрече представители интеллигенции почти готовы были сказать, что такая идея созрела. Эта готовность меня очень удручает, если не пугает. И я согласен с Дмитрием Лихачевым, который пишет, что не может быть общенациональной идеи, сформулированной кем-то, а потом внедряемой в массы. В лучшем случае это — тоталитаризм, в худшем — фашизм.

А в общем, все это похоже на черный юмор, когда серьезные вещи возникают как пародийные. Или когда страшные угрозы, которыми обмениваются люди, лишь сотрясают воздух и щекоют нервы. Помню взрыв негодования в мировом масштабе по поводу генерала Родионова. В Англии я слышал речи, прокливающие его как чудовище, совершившее одну из самых адских акций — в Тбилиси. Долгое время рисовался образ жуткого солдафона, такого Карабаса-Барабаса. Потом этот генерал сменил Грачева. Как так, тот самый Карабас-Барабас? Но смотришь на телеэкран — и видишь человека с лицом, речью, манерами, ничего похожего не имеющими с тем образом. Да и сами события развернулись по-иному...

— Вы видите в этом режиссерский замысел?

— Я думаю, что нет одного такого человека, и группы людей такой нет, и заговора нет. А есть скатывание общества к деградации, к безумию.

— Но вернемся в театр. В советское время он был с подтекстом, так сказать, с фигурой в кармане. И это создавало особую атмосферу разговора посвященных — зрителей и актеров. Сегодня такой подтекст ушел, разговор стал иным. Каким же?

— Ушел плоский подтекст, когда говорилось одно, а имелось в виду определенно другое. Ушло запланированное единение зала. А подтекст остался, поскольку сама речь человеческая многослойна, как и драматургия, и сама жизнь...

Я вовсе не хочу осмеять театр тех лет. Он был полон великолепных актерских, режиссерских талантов. Какая буря эмоций возникала в залах Таганки, «Современника», Большого драматического, «Ленкома», на эфросовских спектаклях! Подлинных эмоций, а не снисходительных покачиваний головой. Но многое было и плоско — не столько художественно, сколько публицистично.

Сейчас другой театр. Теперь требуются не намеки, а положительная мысль, не пародирование, а высказывание. Это гораздо труднее.

— Наверное, театр стал сложнее. А зритель?

— Не знаю. Я замечаю, особенно в последнее время, что в театр пришло много неопитов. Кто они? Разные. По-прежнему ходит интеллигентная молодежь и, наверное, новая — «челночно-палаточная».

Бывает, что приходят случайные люди? Бывает. Случается, что встают и уходят? Бывает.

— Много?

— Нет, очень мало. Ну не туда попали. Я на них не обижаюсь, если они не слишком громко топают, ког-

да уходят. Наоборот, считаю, что все правильно: мы мирно расстались навсегда. Мне вполне хватает тех зрителей, которых я могу считать своими. Это — мое счастье, и, чтобы его сохранить, нужно много трудиться и каждый день помнить, что оно не навсегда...

— Сейчас в Москве появилось немало спектаклей, рассчитанных на дешевый успех, на потребу «новым русским».

— Очень много. Это коммерческие спектакли, заранее ориентированные на обслуживание низменных чувств. Потому что в обществе есть спрос на это. Деградация идет во всех сферах и, естественно, в искусстве.

— И какой вы видите выход?

— Никакого. Сохранение личности и работа на той ниве, которую избрал. А еще — поддержка людей, в которых видишь то, что я называю благородным служением. Допускаю, что кто-то поморщится от этих слов. Но нельзя же совсем уж отбрасывать возвышенное и говорить: будут платить — буду работать. Думаю, кто так говорит, тот работать по-настоящему не может.

— Актеры-то никогда не были особенно богаты.

— И не должны быть. Зачем богатому человеку кривляться по вечерам, да еще публично? Да ему и сказать нечего, богатому.

— Считаете, что для себя он уже все решил и внутри у него ничего не кипит?

— Ничего. Да это и нелепо, чтобы богат намазал рожу и — на сцену.

— А «звезды» Голливуда, скажем, или император Нерон?

— Западная киноиндустрия — это разговор особый. А Нерон — это же человек, который сжег Рим. Да, он хотел быть актером. Сейчас у нас тоже многие политические деятели хотят быть актерами. У многого все уже есть, и еще хочется публичного успеха, аплодисментов. Но тут уж приходится закупать не только прессу, но и зрителей. И зрители у нас появились, которые с удовольствием продаются. Когда говорят, что в конце презентации будет большой банкет, раздаются особенно горячие аплодисменты. Но искусства-то от этого не прибавляется. Презентация не может заменить бескорыстный спектакль, который зрители смотрят за свои деньги.

— Думаете, для встречи с прекрасным актер должен быть слегка голоден, и зритель не очень сыт?

— Вообще обжорство — это плохо. Я полагаю, что без «джакки» жить можно. Хотя, наверное, некоторые скажут, что нельзя.

— А многие и не знают, что это такое.

— И правильно делают. Они нормальные люди.

— Сейчас вы еще скажете, что вообще технический прогресс — дурная вещь?

— По-моему, дурная, как и всякий прогресс.

— Сметесь?

— Отчего же? Возьмем видеокamera, которую так рекламирует телевидение, — снимайте, снимайте, снимайте! По-человечески можно понять, скажем, отца, который хочет снимать каждую секунду жизни своего маленького ребенка. Но кто это будет смотреть? Сам ребенок, когда вырастет? Не уверен. Родители? Не думаю.

Люди все более хотят зафиксировать каждый свой шаг. Ну расскажи, спрашиваешь, куда ездил, что видел, что тебе было интересно? Я снял, отвечает, сейчас покажу... Миллионы метров этой чепухи лишаю людей воспоминаний, живых впечатлений, мыслей, наконец. Все уходит в глазок камеры, все в «консервах» лежит.

Или взять компьютеры. Конечно, очень удобная вещь для дела. Но сколько я знаю людей, которые действительно увлечены самим компьютером, тратят на это время, свой талант, деньги. А цель какая? Проникнуть в информационные узлы мира. Что, спрашиваю, узнать-то хочешь? Точно не знает, но, может, что-то понадобится...

Я теряюсь перед этим натиском информации. Все эти приборы расплодились в таком количестве, что сами себя рекламируют, сами требуют, чтобы их покупали все больше, чтобы одно поколение сменялось другим...

— И год сменится другим. Мороз на улице — настоящий, елки продают вполне патриархальные.

— И я по-старомодному желаю «Труду» и всем его читателям счастья в Новом году.

Беседу вела
Ольга СОЛОМОНОВА.